

И.А.

И.Б.

О ПОЛЬЗЕ И НЕОБХОДИМОСТИ ЦЕНЗУРЫ

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олуха, или чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет
балагура.

А. Пушкин

Формы запрета на содержание духовной деятельности существуют еще с догосударственных времен. Это то самое "табуирование", которое служило регулятором социальных отношений. Табу на печатную ~~литературную~~ продукцию называли цензурой. Существовала цензура и в России, и относилась как к ведению императора /в отдельных случаях/, так и /в основном/ к ведению Канцелярии Его Императорского Величества. Существует она и по сей час и относится к ведению Комитета по охране государственных тайн в печати. Цензура для литератора то же, что УК для преступника с той, однако, разницей, что УК действует после деяния, а цензура — до.

Тайна — это то, что стремится придать себе значительности, и в этом смысле тайна как таковая литературу мало интересует, если понимать под государственной тайной сугубую статистику, скажем, количество выпитого душой населения алкоголя, количество самоубийств, или то, что целиком относится к ведению "рыцарей плаща и кинжала" — всякие военные секреты. Напротив, литература занимается лишь тем, что у всех перед глазами, а цензура — тем, чтобы это всеми виденное было якобы невидимым. В наши дни три табу применяются

к литературе: Бог, порно и антисов. То есть: духовное, плотское и политическое. Но времена меняются, и сейчас иногда, по крайней мере, в философской литературе, Бог пишется, слава Богу, как и полагается, с большой буквы — Бог, чтобы отличать Бога христианского от богов языческих, еллинских и иных верований. А литературоведн, чтобы убедить в ~~своей~~ своей неграмотности, так даже и так, и этак в пределах одного текста /см. Н.С.Лесков о литературе и искусстве. Изд. ЛГУ, 1984, где Св.Писание пишется то с маленькой, то с большой буковок/. Так что тайна написания Бога все более и более обнажается. Что же касается порнографии, широко распространенной в жизни, то она как и раньше, так и сейчас находится под запретом, хотя, скажем, первый Академический словарь времен Екатерины /не доведенный до буквы "Х"/, тем не менее, на букву "З" давал слово "залупа". Что же касается антисова, то и здесь мы наблюдаем переменн: и в литературе "серьезной", так сказать, целиком идеологической, встречаются мнения, что социализм — это не последнее и, возможно, не самое лучшее слово человеческой цивилизации и что, следовательно, возможен и необходим критический взгляд, и так далее...

.. Страдала ли русская словесность от цензуры в прошлом? Как мы знаем из истории — да, ужасно страдала: сам Лесков, выйдя от цензора, получил инфаркт; последние дни умирающего Некрасова омрачались цензурными придирками — цензор приезжал домой к Некрасову и умолял его убрать те или иные строки из поэмы "Кому на Руси..." Чехову цензор делал ~~вынуждение~~ вынуждение, что-де нехорошо, когда в пьесе стреляют в человека омунидиренного. "Крейцера соната" запрещалась 13 раз. И так далее и тому подобное.

.. А что же цензура, спрашивается, куда она смотрела, когда "Историю одного города" и "Сказки" Щедрина печатала? "Что делать?" Чернышевского? Что же цензоры тогда, лопоухи были? Отнюдь. Это были люди, с которыми можно было разговаривать. Писатель И.А.Гончаров — не самый злой человек — был цензором. А "страшно вопиявшие в пользу революции" Чернышевский и Некрасов приглашали на редакционные "мальчишники" цензора, и Николай Гаврилович уводил цензора в

сторону и начинал ему "мозги пудрить". Н-да — или мозги были другие или пудра особливая. А вспомним, что в самые страшные времена "разгула реакции и зверства цензуры" или наоборот — "зверства реакции и разгула цензуры" сколько открывалось самостоятельных издательств! Начать издательское дело тогда было раз плюнуть. Конечно, и лицемерие, как всегда на Руси процветало: та "Крейцера саната" /совсем не порно/, запрещавшаяся 13 раз, запрещалась в те времена, когда одновременно с запретом, выходили дневники благородных шлюх. Было. Но...

Что такое цензура в наши дни? Злые языки утверждают, что цензоров сейчас нет. Это — дескать некий фантом, которого не каждый способен лицезреть. А зря. Я, например, видел человека, который видел цензора и даже разговаривал с оным. То есть со всей ответственностью утверждаю, что если цензор, как таковой, цензор "в себе", а не цензор "для себя", существует, то он непременно существует в виде человека. А буковка и цифирка вместо имени на книге — это чтобы всякий с дурацким любопытством не лез.

... Но здесь мой восторг дает сбой. Дело в том, что сейчас есть цензоры, но нет цензуры для литераторов. И вот почему. Цензура препоручена редактору журнала или издательства, рецензенту, корректору...., и начинается процесс, именуемый не цензурой, нет! а "пере-страх-овкой", когда страх переходит в социальный испуг такой меры и степени, что редактор начинает бояться собственных мыслей, не то, что чужих, и превращается в существо низкого лба, узкого горизонта и непомерного страха. И это приводит к редакторскому произволу, хуже которого трудно что-либо даже вообразить. Вот живой пример.

История первого, вышедшего на "финишную прямую" сборника Клуба-81 с очевидностью доказывает отсутствие цензуры при формальном цензоре. Были отобраны, то есть предварительно отцензурованы /не цензором!/ четыре сборника. Эти сборники были вновь отцензурованы /не цензором!/ в один, который, в свою очередь, был отцензурован /не цензором!/ так,

что в нем одни произведения заменены другими — не по причинам Бога, порно или антисовета — а по причинам социального испуга. Затем сборник, трижды отцензурованный /не цензором!/, был представлен цензору, который не обнаружил в сборнике криминала. Затем этот сборник был прочитан /отцензурован!/ в партийных органах. Затем отправлен на чтение /отцензурование!/ в столицу, где и был благополучно прочитан /отцензурован!/ снова. После этой семикратной /!!!/ "цензуры" он поступает на чтение редактору издательства /на цензуру!/ и редактор, повинаясь собственному понятию о цензуре, находит в нем в свою очередь /!!!/, что, мол, вот эту фразу надо бы убрать ("как бы чего не вышло"), а вот эту замечать. И так далее. Затем после восьмикратной цензуры /!!!/ сборник вновь уходит на чтение в инстанции... /продолжение следует/.

Может ли быть более убедительное доказательство отсутствия цензуры?

В этом одна из причин, почему современная наша литература столь часто низка по художественным достоинствам, мелочна по нравственным нормам и туманна по требованиям социальной справедливости.

Итак, вернемся к началу нашей статьи и посмотрим на историю человечества с точки зрения истории литературы. От Адама и Евы вперед, через тысячелетия простираются времена, о цензуре слыхом не слышавшие. Не надобен цензор, ибо его функции может выполнить и выполняет любой начетчик, любой старожил, любой стряпчий. Времена эти простые и дебильные, ни о каком развитии не помышлявшие; текст и подтекст — как брат и сестра, зло и добро размежеваны, как небо и земля, свет и тьма, прекрасное и безобразное, крылатые — и рога то хвостатые существа... Однако наступает в истории такой момент, когда возникает потребность в цензоре, цензоре литературном. Усердные литераторы в порывах услужить отечеству, либо впадают в заблуждения, либо в преувеличения, либо путаются, где свои, где чужие, либо занимаются исключительно своими шкурническими интересами, — всех причин, приводящих литераторов к мечте о цензуре, не перечислишь.

И вот он является. Он один из наиболее достойных, морально выдержанных, образованных, доброжелательных, — ни в коем случае не бюрократ, ни в коем случае, не ретроград. У него ТОМ ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ. Это замечательное создание правовой мысли, примененной к сфере хрупкой, тонкой — искусству. Он не говорит: это мне не нравится, он не говорит, когда я был маленький, то любил... он не говорит, что Василий Иванович не допустит... он не говорит, этого писателю нужно поставить на место... Он говорит: согласно статье такой-то тома перечислений, указывать размер дула у пушки, охраняющей наше побережье нельзя, у вас же: "старший лейтенант Гаррик Нефелов облокотился на ствол орудия, бдительно смотрящего сто пятидесяти миллиметровым оком в хмурные дали зарубежья". Все можно, а калибр нельзя". И так в каждом случае: все ясно, просто, доказательно — и никакого произвола. Мирно спит автор, — цензор охранит его от невольных нарушений границ допустимого, спокойно спит редактор — ничто под зыбким туманом эстетических преобладаний не принуждает его выскидывать злокозненных диверсий профессиональных приспешников. Мирно лежит на углке стола ТОМ ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ, охраняющий и мощь, и чистоту, и тайну.

Шутки в сторону: в истории цензор появляется как бесспорный носитель порядка, равенства /перед уставом/, ясный ориентир, позволяющий проложить путь через приступы панического страха перед возможным. К сожалению, критика, питающаяся абстрактными идеалами, по-детски наивно достигала высших нот негодования, когда говорила о цензуре, не понимая, что они приписывали цензуре грехи, которые, напротив, произрастают тогда, когда цензуры нет, а есть произвол и отсебятина, субъективизм, волюнтаризм и неразбериха. Они спутали суть с номиналом, прочли табличку на дверях, но не разглядели многоэтажные штабели фактов. Они не поняли, что путь к бесцензурной печати лежит через ответственную цензуру.